

Д.М. Митрофа

**200
тысяч
маленьких
удовольств**

Д. М. Митрофанов
200 тысяч маленьких удовольствий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16856084
ISBN 9785447440879

Аннотация

История о скромном служащем средних лет, воспитанном в Стране советов, на которого неожиданным образом свалилась куча денег. Сможет ли он изменить свою судьбу? Удастся ли ему осуществить мечты? И наконец, возможно ли измениться в одночасье человеку, чья жизнь, складываемая по кирпичику в течение многих лет, не соответствовала представлениям о счастливой жизни? Эпичные приключения возможны и в наше культурное время. Действие происходит в одном из городов России в конце двадцатого столетия.

Содержание

Часть 1	5
День первый	9
День второй	12
День третий	14
День четвертый	18
День пятый	20
День шестой	21
День седьмой	22
День восьмой	23
День девятый	24
Десятый день	29
Одиннадцатый день	31
Двенадцатый день	32
Дни тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый и семнадцатый	33
Восемнадцатый день	34
Следующий день	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

200 тысяч маленьких удовольствий

Д. М. Митрофанов

Тем, кто готов поверить в себя.

© Д. М. Митрофанов, 2016

© Илья Иванов, иллюстрации, 2016

Корректор Ольга Бекасова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

*Свобода дается лишь тому, кто знает,
что это такое. Я не знаю.*

Господь Бог

Семен Филиппович ехал в электричке с работы домой. Он безумно устал – устал от всего: от зарплаты, которой всегда не хватало, от неблагодарного начальства, от этих серых бездушных лиц, изо дня в день окружающих его... И даже от судьбы, наделившей его не самой впечатляющей жизнью – унылой и скучной.

Ехать было недолго, поэтому Семен Филиппович никогда не позволял себе спать в вагоне, особенно после того случая, когда он в предновогоднюю ночь, задремав, оказался за сто первым километром. Незабываемая морозная ночь! Мужчина тяжело вздохнул. В его дипломате лежала сегодняшняя газета – уж лучше читать, чем предаваться тягостным воспоминаниям. Приоткрыв дипломат, находящийся у него на коленях, он не глядя запустил внутрь руку. Газета должна была лежать сверху – промахнуться он не мог. Семен Филиппович вздрогнул. То, на что натолкнулась его рука, никак не ассоциировалось с понятием «газета». Одного взгляда, брошенного внутрь дипломата, было достаточно, чтобы убедиться в этом и тут же с силой захлопнуть его. Лоб Семена Филипповича покрылся испариной, сердце бешено колотилось, ему с трудом удавалось сохранять видимое спокойствие. Отдышавшись, он осмотрелся. Похоже, никто из пассажиров не заметил изменений, произошедших с ним, а главное – содержимого дипломата. Или сделали вид, что не заметили? От этой догадки ему сделалось нехорошо. Мужчину лихорадило – каждый из его попутчиков вызывал обоснованные подозрения. С каждой секундой подозреваемых становилось все больше – в вагоне, где ехал Семен Филиппович собралась кочка маньяков, воров, стукачей и убийц, доверять было не кому. Он ошалело вращал глазами, волна адреналина накрыла его. Что же делать?! Бежать сейчас? Догонят. Перейти в другой вагон? Нет, рискованно – скорее всего, порешат в тамбуре. Надо ждать, ждать своей станции, а там будь что будет. Время, время, сволочное время... Машинист, гад, что же так медленно! Мысли бешено скакали по кругу. Секунды вязко сменяли друг друга.

Электричка приближалась к его станции. Показалась платформа. Потный Семен Филиппович, затаив дыхание, сидел не шелохнувшись. Лишь когда двери с шумом распахнулись, он рванул к выходу, прижав дипломат к груди. Бежал не глядя, напролом, бежал к далекой спасительной двери. Выскочив из вагона, прибавил в движении. Оказавшись перед своим домом, он все же замедлил ход. В подъезд зашел ровно, четко чеканя шаг – бабки, сидящие на лавочке, остались довольны.

Дома сегодня царило особое настроение, озаменованное неожиданным приездом тещи. Как опытный охотник, Семен Филиппович почувствовал это (тещу) еще до того, как зашел в квартиру, энергично втянув сквозь раздутые ноздри воздух:

– Враг не дремлет.

Клавдия Лаврентьевна встречала зятя на пороге и была готова ко всякой неожиданности. Вместо обычных приветствий, коими не изобиловал словарный запас Семена Филипповича, типа «Не сидится же старой манде дома», Клавдия Лаврентьевна слышала непривычное – «Здра». Семен Филиппович скорее по привычке, машинально, нежели специально зацепил ее плечом, проходя мимо. Теща проводила зятя недоуменным взглядом, полным непонимания – она рассчитывала на открытое сражение, войну – немедленно, без страха и сострадания, когда запах пороха становится близким запахом тела. Это хоть как-то раз-

влекло бы старушку. Сначала Клавдия Лаврентьевна даже расстроилась, но потом взяла себя в руки, она хорошо знала потенциальные возможности своего зятя – все еще впереди.

Семен Филиппович заперся в туалете, прихватив с собой дипломат. Сидя на унитазе, он нервно поглаживал руками потертую с годами дерматиновую поверхность дипломата, покоящегося у него на коленях, не решаясь открыть его. Сделав несколько глубоких вдохов, Семен Филиппович зажмурился. Щелкнули замки. Дрожащими руками он приподнял крышку и медленно открыл глаза... Это не было галлюцинацией или же миражом, фантазией, не имеющей место в реальном мире. В его дипломате находилось то, о чем он так долго мечтал, – деньги, пачки столларовых купюр, аромат которых пьянит, подобно запаху любимой женщины, необыкновенному и всегда желанному. Двадцать пачек – двести тысяч долларов – сразу прикинул Семен Филиппович, перебирая, перекладывая, вновь пересчитывая, упоительно наслаждаясь свалившимся на него богатством. Он не стал ломать голову над тем, как появились деньги в дипломате, нет – сразу поверил в чудо и более не возвращался к этому вопросу. А так как в последнее время он был полностью погружен в свою работу и несколько рассеян по отношению к внешним факторам, потому и не обратил внимания на прибавку в весе дипломата. Так или иначе, но Семен Филиппович уверовал в то, что деньги принадлежат ему, и теперь строил планы, вихрем носившиеся в его голове.

«Надо обрадовать семью. Покажу им сейчас, что у меня есть, то-то удивятся. Праздник устроим – вино, шампанское, икра... Гульнем на всю катушку. А завтра за покупками: всем подарки, квартиру новую, машину, дачу, круизы, санатории...» – думал Семен Филиппович, поймав себя на том, что счастливо улыбается, сидя на унитазе.

За дверью туалета послышалось внимательное дыхание Клавдии Лаврентьевны.

«Ах ты! – вдруг резко обозлился Семен Филиппович. – Вот вам, – показывая кукиш в дверь: – подарки, икорка, шампанское, круизы, машины... Не дождетесь, ничего у меня не получите!»

Сразу вспомнились былые обиды – великое множество: жена его не любила уже давно, впрочем, как и он ее, в бабьем кругу называла его неудачником, козлом, а иногда и импотентом. Это он знал точно. Дети бессовестные, неблагодарные, с абсолютно чуждыми взглядами, моралью и интересами едва ли не презирали его только за то, что он не был вором, а жил по своей совести. Теща – теща падла.

Семен Филиппович для себя все решил. Он захлопнул крышку дипломата и вышел из туалета. Клавдия Лаврентьевна упорхнула секундой раньше.

Он зашел в комнату к детям. Дети вгоняли себя в экстаз, слушая недоношенную музыку, рожденную где-то на окраине прямой кишки. На отца дети не обратили внимания, даже не поприветствовали – значит, деньги у них еще не закончились. Ему, бесконечно их любившему, было очень неприятно видеть такие отстраненные отношения в семье. Эти последние десять лет – годы ужасного позора для всей страны, когда политика, культура, образование, мораль, убеждения и даже еда были навязаны народу бывшими врагами Родины, а ныне «друзьями» с одной лишь целью – максимально ослабить, а лучше уничтожить все, чем когда-то гордилась великая страна. Позиция его детей – результат этих мероприятий. Несмотря на все приложенные усилия, он не смог противостоять машине тотального промывания мозгов, войну за человеческое лицо своих детей он, похоже, проиграл. Семен Филиппович вышел из комнаты, убежденный в правильности своего решения.

– Волки позорные, – очень тихо пробурчал он себе под нос.

– Что ты сказал? – переспросила полуглухая Клавдия Лаврентьевна из самого дальнего угла квартиры.

– Я люблю вас, мама! – с наигранной любовью ответил Семен Филиппович.

– А, тогда понятно, – в свою очередь слукавила Клавдия Лаврентьевна, не отрывая соколиного взгляда совсем ослепших глазниц от дипломата, крепко зажатого в руке зятя.

Употребив по назначению ужин, приготовленный женой, с годами ставший совсем не вкусным, состоящий из макарон первого сорта и сосиски из костной муки, Семен Филиппович заперся на балконе. Мысли о счастливом будущем его успокоили – новая жизнь, не отождествленная ни с кем из присутствующих. Семен Филиппович видел себя совсем другим человеком – солидным, уважаемым, счастливым, здоровым и самое главное – любимым. Молодая, красивая жена родит ему крошку сына, в которого он вложит всю свою душу, шикарная квартира, машина, преуспевающие друзья, работа на высоком посту... Семен Филиппович предавался мечтам. Но сначала все же самое сокровенное – то, чего он ранее не мог себе позволить, считая недостижимым. Да, именно так. Покинув балкон, он был полон решимости – с завтрашнего дня новая жизнь.

В коридоре было пусто – видимо, все собрались у телевизора. Семен Филиппович огляделся – вроде бы чисто, но запах тещи присутствовал незримо близко. Зазор между нижней частью закрытой двери зала и полом, через который должен сочиться свет ламп, был подозрительно затемнен. Пришлось встать на колени, чтобы узнать причину. Вроде ожидаемо, но тещин глаз..., в который уперся взор Семена Филипповича, как-то даже напугал. Он резко отпрянул от двери и вскочил на ноги. По всем неписанным канонам теперь ему необходимо было моментально отреагировать для восстановления статус-кво. Попытался ткнуть ногой в дверную щель – попытка не пытка – не удалось. Клавдия Лаврентьевна удовлетворенно вздохнула – ну вот, вроде как началось, все чинно, благородно, по-родственному. Теперь и она может начать военные действия: попытка дать в глаз «с ноги» – такое не каждый день случается.

Семен Филиппович уже полчаса ходил из угла в угол, ломая голову – куда бы запрятать дипломат с деньгами так, чтобы жена не обратила на него внимания и ни одна сука (теща) не нашла его. Самым недоступным местом для суки невысокого роста оказалась книжная полка, верхний ее ряд. Даже со стулом он едва дотянулся до нее.

Оставив дипломат на верхней полке, Семен Филиппович завалился спать и неожиданно быстро заснул. Проснулся он среди ночи от шума падающих книг, полки и некоего тела. На грохот сбежалась вся семья, даже соседские дети. Дипломат – вот что больше всего волновало Семена Филипповича. Он лежал на полу обособленно, недалеко от кучи книг, из которой торчала чья-то морщинистая рука – рука Клавдии Лаврентьевны. Ее-то и не хватало среди окружающего семейства, сонно шурящегося от света лампы, до конца не разобравшегося, что же все-таки произошло. И лишь она знала все.

Дипломат в руке зятя, конечно, не мог заинтересовать столь почтенную женщину, как она... Дождавшись, когда все заснут, Клавдия Лаврентьевна со стулом в руках оказалась перед полкой. До дипломата она, само собой, дотянуться не сумела. И тогда воздушная Клавдия Лаврентьевна решила достичь цели, используя полки как ступеньки. Книжная полка рухнула мгновенно, не выдержав такую тушку, сорвав крепления с потолка. И хотя при падении Клавдия Лаврентьевна сгруппировалась, избежать участи быть погребенной под книгами ей не удалось.

Рука медленно зашевелилась, убив зародившуюся надежду в душе Семена Филипповича. Просканировав окружающую обстановку, рука засекла цель и, подрагивая, двинулась к дипломату. Но не дремал Семен Филиппович. В тот момент, когда руке оставалось преодолеть каких-то несколько сантиметров, он точно и уверенно наступил на нее, потом забрал дипломат и покинул комнату.

Скорая, как назло, приехала быстро. С вывихом руки и сотрясением головы Клавдию Лаврентьевну отвезли в одну из самых дальних больниц (не без вмешательства Семена Филипповича) для оказания первой помощи.

Семен Филиппович, положив под подушку дипломат, сладко заснул и увидел сон в высшей степени эротический – с двумя мулатками, бассейном, виллой, которую он наяву видел

в каком-то глянцевоm журнале, а главное — деньги, деньги, кругом деньги: они росли на деревьях, валялись на полу, плавали в бассейне...

День первый

Семен Филиппович проснулся довольным, когда сон подошел к своему логическому завершению – чего еще можно ожидать от двух жгучих мулаток.

– Вещий, – сказал торжественно он и услышал доносящееся с кухни чавканье. Мулатки ушли в сторону.

Клавдия Лаврентьевна не переставала поражать взыскательную публику своими новыми достижениями. Сполна получив первую медицинскую помощь, она, не дожидаясь рассвета и начала движения общественного транспорта, кряхтя, на ослабших ногах, помолясь, поковыляла домой, преодолев пятнадцать километров за час сорок. И сейчас, тщательно пережевывая, доедала заблаговременно приготовленный завтрак Семена Филипповича.

– Это ж надо, не померла, – сделал вид, что удивился Семен Филиппович.

– Нет, – бодренько ответила пожилая женщина, – я еще некоторых переживу.

– Ну, это вряд ли, – как можно более убедительно произнес Семен Филиппович, подумывая о том, что все же будет немного жаль денег, потраченных на киллера, хотя чего только не сделаешь для хорошего человека. От этой мысли у него побежали мурашки по спине, а внутри потеплело, как от ста граммов коньяка – теща мертвая, в гробу, вся в черном, молчит и не шевелится. Эх, хорошо!

Мужчина даже не расстроился, что остался без завтрака. Наскоро собравшись, взяв дипломат и кухонный нож для обороны, отправился на работу.

Работа для Семена Филипповича была чем-то вроде наказания, он ее не любил. Мысль о том, что у него в дипломате лежит целое состояние, а он продолжает работать за ничтожную зарплату, возымела свое действие. Правда, он не стал со скандалом увольняться, бить морду начальнику или зажимать в углу секретаршу, нет, это он делал на прежних местах. Сейчас он просто накатал заявление «о предоставлении отпуска за свой счет» и был таков, получив целую неделю в свое распоряжение.

Семен Филиппович сидел на скамейке в сквере. Мимо проходили молодые мамы с колясками, школьники с туго набитыми портфелями, пожилые пары, придерживающие постариковски друг друга за локти, но все так же нежно, как сорок лет назад, студенты и служащие, вечно решающие на ходу хитросплетенные проблемы, и просто прохожие, которых судьба занесла сегодняшним днем в этот сквер. Каждый из них владел своим миром, был наделен своей судьбой, имел прошлое и будущее, радости и печали, надежды, мечты, привычки, друзей, интересы и каждый для чего-то жил. Семен Филиппович вдруг поразился – насколько все же глубок и многогранен этот непростой мир, включающий в себя миллиарды других, своих, непохожих; как все явления закономерны и в равной степени необъяснимы; насколько тонка грань между чуждым и нелепым; прозрачна граница между добром и злом.

– А ведь как прекрасно жить. Вот так вот просто – жить. Вкушать каждое мгновение, наслаждаться каждым вздохом. Да... – произнес вслух Семен Филиппович. – Особенно когда у тебя двести штук зелени в кармане. Это новые горизонты, новая степень свободы.

На душе стало светло. Хорошо так, уютно.

– Так, – он решительно поднялся со скамьи, – беру от жизни все. Расфасовав деньги по четырем пакетам и запятав их в надежных местах (есть такие места у каждого мужика), Семен Филиппович, с двумя купюрами в кармане, предвкушая сладостные моменты, шел навстречу приключениям, которые, безо всякого сомнения, имели место в ближайшем будущем.

На минуту забежал домой – нужно было отмазаться перед родней – «на рыбалку еду, с ночевкой, может, на несколько дней». Клавдия Лаврентьевна недоверчиво повернула гла-

зом вдоль оси хрусталика: «Утоп бы, падлюка», – подумала она. Хотела смолчать – не удалось, язык у Клавдии Лаврентьевны всегда на стреме:

– Знаю я ваши рыбалки, сама не раз была. Нажретесь как свиньи и давай стыдобу творить. Срам. И как вам не совестно. Паскуды вы едакие, козлы неугомонные, сволочи прохиндейские. – Чем старше женщина, тем шире ее познания о мужчинах и тем каскаднее ее выражения. – Слышь, дочка, не пушай его на рыбалку, пусть лучше по дому, по хозяйству что починит. Я-то вон уж сколь лет не езжу и ничего – жива-живешенька.

Семена Филипповича перекосило.

– Что так, мама, не ездите-то? Птичка сдохла? Аль силы не те? Эх курвы, я вам покажу еще, не пушай, – завелся в тон теще Семен Филиппович.

– Чего это он? – напугалась жена. – Сроду таким не был.

Семен Филиппович почувствовал нарастающую в нем внутреннюю силу, превосходство над бабьим стадом.

– Все. Поехал я. А это, – бросив пустой (без купюр) дипломат на стол – хранить как зеницу ока. Я его, мама, на ключ запер.

– Как енто на ключ? – искренне удивилась теща.

Семен Филиппович заперся в туалете – единственный уголок в квартире, где ему никто не докучал, помимо смрадного дыхания, прорывающегося из-за двери сквозь щели. Присел на дорожку, и в путь – распахнул, что есть силы дверь туалета в надежде зацепить тещу. Задумка не прошла, как обычно, – Клавдия Лаврентьевна увернулась, для нее это семечки. Но все равно проверка бдительности не помешает, когда-нибудь настанет тот чудесный момент, когда она зазеваается, и момент этот где-то рядом, чувствовал Семен Филиппович.

Проходя мимо книжной полки, он остановился. На глаза попался томик Байрона. Писатель-романтик, писатель-поэт, многие мужчины именно ему отдают предпочтение. Воспользовавшись своим одиночеством, связанным с занятостью тещи исследованием всех щелей туалета, Семен Филиппович не удержался и сунул в книгу одну из купюр. «На вечер и сотни хватит», – подумал он.

– Вот теперь все. Поехали, судьба-судьбинушка! – воскликнул Семен Филиппович с удивлением в руках, захлопывая за собой входную дверь.

Первые проблемы начались с обменными пунктами валют – все они, гады, решили нажиться на Семене Филипповиче, давая невыгодный курс. После длительных поисков Семен Филиппович все же нашел пункт, где он выигрывал с каждого бакса по две копейки относительно ранее увиденных обменников. Сэкономив два рубля, он пошел в магазин тратить деньги. Гулять так гулять.

Куда идти с покупками, он уже знал – к своему приятелю, у которого как раз жена с детьми уехала на неделю к родственникам, пожрать на халяву. Купив бутылку водки, не самую дешевую, сельдь иваси, батон хлеба, салат из квашеной капусты, Семен Филиппович решил, что все, хватит, надо быть поумеренней с расходами, так и глазом не успеешь моргнуть – останешься без копейки.

«Пять долларов, – прикинул он. – Густовато, густовато...»

Совдеповское мещанство все больше и больше проявляло себя в незатейливом мозгу Семена Филипповича, захватывая на своем пути и без того скудные до удовольствий ячейки памяти.

Федор встретил гостя в хорошем настроении. Три дня полной свободы, отрешенности от семейных проблем действовали на него благоприятно – каждый вечер пьянка, каждое утро – бодун и сказочная похмелуха. Как-то сразу в Семене Филипповиче проснулась какая-то липкая зависть: «Ну кто он, этот Федя? Да никто – живет на гроши, урод моральный и вообще... Сидит тут, рассказывает, как вчера они жажнули, хохочет через слово. И жена у него красивая, и дети нормальные – везет же козлу. Ну ничего, мы еще посмотрим, чья

возьмет. Увидим». Про деньги, свалившиеся чудом в его руки, Семен Филиппович, сам собой, решил не рассказывать. Пока Федор вспоминал очередную случившуюся с ним историю, Семен Филиппович готовил речь, речь злую и обидную. Все то, что накопилось у него на душе, он хотел выплеснуть на Федора. Он ждал, пока закончится бутылка водки, и тогда он начнет издали – вот, мол, Федя, жрешь ты сейчас, пьешь, хохочешь как конь, не задумываясь, на чьи деньги тебе такой праздник обломился. Понимаешь – халява. А кто платит? Семен Филиппович... В общем, в таком роде.

Ну что такое одна бутылка на двух мужиков? Водка действительно заканчивалась быстро, конечно же, хотелось еще. И Федор, заметив это, как-то без задней мысли, предложил сходить еще за пузырем, что у него есть заначка как раз по такому случаю. Семен Филиппович тупо смотрел захмелевшими глазами на почти пустую бутылку и молчал. Ему было ужасно стыдно – за свои мысли, за эту заготовленную дурацкую речь, за то, что он хотел из-за своей проклятой зависти обидеть хорошего человека. Ведь Федор ему как брат, для него не то что пузырь – для него вообще ничего не жалко.

– Слушай Федор, братан. Ты уж извини меня, но сегодня у меня праздник, мне дали премию – сто баксов. Сегодня угощаю я. Пойдем в магазин.

На этот раз деньги тратились легче. С двумя бутылками водки, закуской, пивом и вином они возвратились домой.

После второй выпитой бутылки Семен Филиппович совсем разоткровенничался и чуть было не рассказал о деньгах. «Надо себя контролировать», – подумал он. Вдруг вспомнились мулатки, и ужасно захотелось женского тепла...

День второй

Семен Филиппович с трудом разлепил веки. Потолок был мутный и чужой, кровать, кстати, тоже.

– Черт, где это я?

Приподнявшись, Семен Филиппович огляделся. Сразу бросилось в глаза сопящее тело, лежащее спиной вплотную к нему, точнее – чья-то тушка, почти полностью накрытая одеялом. Тело спало. «Что-то не очень на Федора похоже», – мелькнуло в голове. У противоположной стены стоял трельяж, времен девятнадцатого века, потертый и весьма невзрачный, в зеркале которого Семен Филиппович явственно увидел себя – взлохмаченного, изможденного, со стертыми коленями, в бирюзово-серых трусах в цветочек. «Хорош, стервец», – почему-то подумалось ему. Шкаф, ковер, тумбочка, еще одна тумбочка, бра у изголовья, женские тапочки, обои, окна – все чужое. Носки, ботинки, брюки, рубашка, использованные презервативы, бутылка водки, пластиковые стаканчики: все в одной куче на полу – похоже, свое родное.

– Так, я не дома, точно. И не у Федора. И все же, куда, к чертям собачьим, меня занесло?

Семен Филиппович силясь вспомнить поздний вечер вчерашнего дня. Его сразу замутило – вспомнил водку, больше ничего. Что-то подсказывало, что дальше будет еще хуже. Вот-вот должно нагреть похмелье своею черной полосой в его нежно-лазурную судьбу, накрыть с головой, не оставляя ни единого шанса на безмятежное существование ацетона в крови. Он это знал. В этот исторический момент мирно сопящее тело зашевелилось, кровать изможденно застонала. «Может, это все-таки Федор! – вспыхнула надежда. – Тогда причем здесь презервативы? – надежда погасла. – Хотя...», – содрогнулся Семен Филиппович. – Не может быть!» В ответ на это тело перевернулось с боку на бок, обнажив свое лицо.

– Ы-ы-ы-ы, – неспособный держать эмоции внутри, закипел Семен Филиппович. – Это что же? – ужаснулся шепотом он. – Я это?.. Ее?.. Она меня... Как? За что?

Семен Филиппович мгновенно стал мыслить здраво, адекватно и трезво. Кое-как собрав свои пожитки, на цыпочках покинул гостеприимную квартиру, предоставившую ему и ночлег, и теплую постель, и жрицу любви, которую он по-гусарски решил не будить, дабы не нарушать сна своей возлюбленной.

Из подъезда Семен Филиппович выскочил как ошпаренный.

– Какая корова, какая страшная, губищи, харя... Как я мог? – бормотал он себе под нос.

Пробежав по улице несколько метров, остановился, неожиданным образом узнав двор, являвшийся родным для Федора. И подъезд это его – с испуга не разобрал. Немного подумав, Семен Филиппович решил возвратиться, навестить Федора. Он должен прояснить ситуацию.

Федор пил пиво и был слегка возбужден. Семен Филиппович смекнул – знает ведь, падлюка, кое-какие подробности.

– Федор, я тебя умоляю, только факты и без мата. Побереги мои нервы и ущемленное достоинство.

– Вот я и говорю, – мгновенно прорвало Федора, – нахрена она нам такая толстая? Нет, ты в ответ, какая ж она толстая? Она упитанная, в меру. Знакомиться к ней пошел. Шампанское, цветы. На коленях перед ней ползал, танцевал, пытался обнять необъятный зад ее. «Озолочу, – кричал, – богиня, нимфа, музыка души моей». Жениться обещал, богатства несметные, бриллианты. Хотел даже бежать на вокзал, в камеру хранения, за деньгами – долларами. Где бы ты их взял? Еле-еле тебя отговорил. А любовью вы прямо здесь – на ковре, потом к ней пошли...

– Водки нет? Тогда пива налей мне скорей, – перебил Семен Филиппович.

«От такого стресса как бы в запой не войти», – подумал он.

– Вот, Федь, видишь, как жизнь порой наклонит. А ведь романтики хотелось. Свалю сейчас я отсюда, пока не поздно. У Петра вроде квартира есть пустая, там пока перекантуюсь. Подваливай туда к вечеру, придумаем чего-нибудь.

– А домой, что, не пойдешь? С женой поругался?

– Да нет. Теща, паскуда, приехала. У тебя нет киллера на примете? – вдруг вспомнил о хорошем Семен Филиппович.

– Я поинтересуюсь, если ты серьезно. За твою тещу дорого возьмут, сложная бабка, – сразу в тему запустил Федор.

– Не дороже денег. Я на это удовольствие три года копил, – добавил он на всякий случай. – Слушай, ну ты понимаешь, если вдруг будет искать меня моя возлюбленная принцесса – твоя соседка, отмажь меня, как можешь. Вроде и не знаешь ты меня вовсе, так, случайно в пивнушке познакомились. Боюсь, не скоро я по ней соскучусь.

– Сделаю все в лучшем виде. Вечером увидимся.

Весь день Семен Филиппович проспал в пустующей квартире Петра. Проснувшись вечером, он первым делом побежал в ларек за пивом и, как оказалось, едва наскреб на бутылку.

Вокзал. Камера хранения. С тысячей долларов в кармане Семен Филиппович шел к обменнику, обменять сотню. «У Федора жена уже скоро приезжает, штуки хватит с лихвой», – прикинул он.

В магазине закупились обстоятельно – душа требовала праздника.

Слегка поддатый Федор, безмерно счастливый, в эйфорийно-авантюрном настроении прибыл в назначенное время, тоже с водкой.

– Ну, как?

– Приходила мамонтиха-то, только я ей дверь не открыл. Минут десять звонила.

– Ты молодец, грамотно поступил. Делать ей больше нечего, как шариться по мужикам, женатым к тому же.

– А я уже с киллером договорился – хороший мужик, в школе историю преподает. Пять штук зелени запросил. Обалдеть! Я ему – старушка ангел. Он мне – не будь она такой, просил бы десять. Где денег столько возьмешь? Фотография ее нужна, у тебя нету случайно с собой?

– Случайно нету. Ты видел когда-нибудь мужика, хранящего при себе фото тещи? Кто ж знал, что так дорога мне сегодня будет фотография Клавдии Лаврентьевны. Завтра принесу. – Семен Филиппович просительно поднял глаза к небу: – Эх, скорей бы!.. Ну, Федор, я твой должник, сегодня по такому случаю идем в ресторан, никаких отговорок я не принимаю.

– Уговорил. Только мне надо переодеться – брюки, пиджачок, туфли. Но сначала выпьем по маленькой.

– Как скажешь...

День третий

Семен Филиппович открыл глаза – неестественно знакомый-чужой потолок. Он несколько раз моргнул, настраивая фокус. Эмоции вяло сменяли друг друга. Состояние отчужденности и полного опустошения безмятежно властвовало в проснувшемся хозяине. Голова начинала болеть – Семен Филиппович расстроился, сушняк дико истязал его входящие полости – он захотел пива, спина уже совсем затекла – нужно было подняться. Медленно, осторожно – боль должна поспать еще немного. Огляделся. Увиденная картина со скоростью пять килобайт в секунду от глазных нервов, преобразовываясь в нечто, отождествленное с реальностью, поступала в мозг, а там и до разума недалеко. Кровать – очень знакомая, где-то он ее видел. Рядом кто-то спал, укрытый одеялом с головой, кто-то очень большой. В зеркале, что напротив, он увидел себя в трусиках в цветочек – «хорош, стервец». Шкаф, ковер, две тумбочки, бра у изголовья... Up-grade... Скорость обрабатываемой информации увеличилась на несколько порядков, Семена Филипповича осенило мгновенно.

– День сурка, – с ужасом прошептал он. – А-а-а... – очень тихо прокричал он иссушенным горлом.

Теперь он точно знал, где находится. Точно знал, что нельзя шуметь, что нужно очень быстро и очень тихо свалить отсюда.

– Га, – на выдохе прохрипел Семен Филиппович, ошарашенный таким мистическим поворотом судьбы, закрыв входную дверь гостеприимной квартиры дважды любимой женщины.

– Верую, – немного подумав, сказал он.

Глубоко вдохнул, почесал затылок, упал на колени, перекрестился, поклонился, стукнул лбом в пол, попал в плевок, разогнулся, красиво выругался, рукавом вытер плевков со лба, поднялся на ноги, отряхнул колени, застегнул ширинку, выдохнул.

Чтобы не тратить время зря на то, чтобы выскочить из подъезда, оглядеться, снова подняться, Семен Филиппович сразу направился к двери Федора, соображая, как бы грамотнее начать разговор.

Федор пил пиво.

«Ага, – подметил про себя Семен Филиппович, – сходится».

– Ну как, Федор, поживаешь? – нарочито уверенно начал он, наливая себе кружку пива. – Голова – не-а, не болит? То-то. Пить надо меньше, это я тебе точно скажу. Не надо, Федор, – прерывая жестом открывшего было рот собутыльника, – не надо мне говорить – зачем я познакомился с такой толстухой, зачем дарил шампанское, цветы, на коленях ползал, жениться предлагал, денег обещал, любовью здесь на ковре... Шутил я. Переклинило меня что-то, захотелось чего-нибудь эдакого. А теперь все – баста, срулю я отсюда сейчас. Чтобы не дай бог еще раз увидеть эту корову. У Петра как раз есть свободная квартира, к нему пойду.

– Ты чего, колдырь?! – не выдержал вконец Федор. – Совсем до чертиков допился. Ты чего несешь?

Семен Филиппович подошел к Федору поближе и с недоверием пристально посмотрел ему в глаза:

– Федь, а ты совсем плохой. Ты уж сдерживай себя, так и до белой горячки недалеко...

– Да ты ее, по-моему, уже подцепил. Пил, пил... И подцепил. Ты чего мне позавчерашний день рассказываешь, который я тебе вчера рассказывал? Не дай бог эту корову увидеть вновь, видите ли. Вчера тоже самое трепал. А что взамен?

– Федь, Федь погоди. Так я чего, второй раз уже с толстухой того?

– Я бы сказал – вторую ночь, а сколько уж там раз – это одному трезвому богу известно.

Семен Филиппович вдруг перестал верить в чудеса.

– Федь, ты для меня как летописец, – уже заискивающе продолжал он. – Расскажи, что я вчера еще выкинул. Я помню, как мы в квартире Петра водки выпили...

– Что ж ты мне тогда сказки рассказываешь, будто вчерашнего дня и не было?

– Да я, – замялся Семен Филиппович, – мне как будто почудилось что-то, ну в общем клина поймал я.

– То-то я вижу – понесло куда-то братца Кролика. Ладно, рассказываю: пошли мы потом ко мне, чтобы я приоделся поприличней к ресторану. У меня еще вмазали.

– А надо было?

– Ты сам сказал «надо, Федя, надо». Потом я пошел в спальню переодеться. Буквально две минуты был, возвращаюсь, а ты в обнимку с мамонтихой сидишь, милуешься. В ресторан втроем поехали. Гуляли на широкую ногу – и музыку, и выпивку, и кушанья. Раз десять наверное выпили за невинно убиенную тещу, за камни, которыми забросают ее хрупкое тело, чтобы были они пухом... Посидели, надо сказать, хорошо. Не без скандала конечно. Официантка там была, обслуживала нас, вот ты ее и схватил за задницу, ну, потрогал хорошо – задница что надо. Официантка ничего, а вот твоя взревновала. В обществе она совсем себя не умеет вести – крик непомерный устроила. Тебе прямо неудобно перед людьми за нее стало, конфузная ситуация. Тарелку черной икры для нее заказал! В доказательство любви, вот оно как. Только когда все съела, успокоилась. Шумная баба, нечего сказать. А потом и мне, кажется, пару подобрали. Ну дальше все чинно, мирно, по-людски.

– Ага, значит, сам-то толком тоже дальше не помнишь?

– Ну да. Сколько можно, не железная память-то. Слава богу, у себя дома проснулся, а не где-нибудь в подворотне.

– Ладно, – подвел черту официальным тоном Семен Филиппович. – Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я считаю, что достаточно глупо было бы мне ждать пришествия слонов. Жду тебя вечером у Петра. А ты пока подумай, чего это нам сегодня культурного натворить.

– Хорошо, хорошо. Ты про фото не забудь и деньги прихвати, половину суммы – аванс.

Семен Филиппович ворвался ураганом домой.

– Здорово, мать, давай с тобой шары гонять, – скаламбурил он, приветствуя тещу.

– Где рыба, алкаш? – обрадовалась в ответ Клавдия Лаврентьевна.

– Ладно. Пойду с женой поздороваюсь, – нежно прошел мимо тещи он.

Семен Филиппович листал семейный фотоальбом. На него смотрели счастливые лица его друзей, родственников, детей – еще совсем юных, милых, послушных, добрых – таких, какими все они бывают в детстве. Вот он с женой, еще совсем молодой на юге – упитанный, загорелый и уверенный в себе. А вот он на рыбалке у костра в компании друзей. А здесь он у родильного дома встречает с цветами свою жену со вторым ребенком. А вот... В душу нахлынула ностальгия. Вся тяжесть прожитых лет легла на его плечи – как неумолимо жестоко, безвозвратно течет время. А ведь жить-то надо было начинать двадцать лет назад, когда еще душа полна задора и огня, а не сейчас делать робкие попытки изменить себя, свою душу, изначально не веря в успех.

– Ничего, ты сможешь, – подбодрил себя вслух Семен Филиппович. – Не вышло раньше – сделаю сейчас. Время есть, деньги тоже. Я смогу.

Он с силой захлопнул альбом, отогнав от себя сентиментальную тоску по ушедшему прошлому.

Жена Семена Филипповича на кухне варила макароны.

– Слушай-ка, дорогая, а где это у нас фотографии моей любимой тещи?

– Так ты ж их сжег! Все до единой.

– Эка напасть. Поторопился это я.

– Мне очень приятно, что в последнее время ты стал уделять значительно больше внимания маме. Я слышала, как ты сегодня с ней здоровался.

– Обещаю, в ее следующий день рождения куплю цветов. А кстати, где мой дипломат, запертый на ключ?

– А он сломался, – неожиданно вынырнула Клавдия Лаврентьевна. – Я с него только пыль смахнула, а он взял да и сломался.

– Мой дипломат сломался, – упавшим голосом произнес печально Семен Филиппович. – Покажите мне его, дайте взглянуть на него в последний раз.

В углу, замаскированный газетами, лежал дипломат – оскверненный, раскуроченный пилкой для ногтей, вилкой, ножиком, отверткой, стамеской, молотком, монтировкой, топором.

Семен Филиппович тяжело вздохнул.

– Сохраню его как память... Ввиду представленных мне доказательств и аргументов вандализма, – переключился он, – постановляю: вычесть из ближайшей пенсии Клавдии Лаврентьевны рыночную стоимость дипломата.

Клавдия Лаврентьевна неестественно побледнела.

– Таков суровый приговор, – продолжал Семен Филиппович. – Но, учитывая былые заслуги перед нашей семьей, трудовой стаж, скромность и обаяние подсудимой, предлагаю изменить меру пресечения на выполнение одной моей в сущности пустяковой просьбы. Ничего такого. Как, Клавдия Лаврентьевна? Согласны ли вы с такой постановкой вопроса? Или же вы готовы поставить на кон свою пенсию?

– Му, – неопределенно промычала теща, ожидая насилия. Ах, эта пенсия по праву и по заслугам, за нее она на все согласна.

– Я сегодня просматривал наш семейный фотоальбом и к своему удивлению и разочарованию я не обнаружил вашей фотографии. Такая интересная и интеллигентная женщина. Эту несправедливость я и хочу исправить. Клавдия Лаврентьевна, прошу вас, попозировьте мне. Наденьте ваше лучшее платье.

– Мне, право, неловко. Как-то все неожиданно, – для приличия поломалась Клавдия Лаврентьевна.

Семен Филиппович не пожалел пленки – и профиль, и анфас, дальний план, ближний... Теперь надо успеть в срочную проявку, чтобы к вечеру фото были готовы. Он уже был в ботинках, как его пронзила глобальная идея: вот оно – все же как порой он может мыслить широко и вдохновенно! Семен Филиппович знал, где у тещи находится тайник, в котором хранятся весьма интересные вещицы – портрет Сталина, пачка презервативов, нож разделочный, с запекшейся кровью на лезвии (достался от первого мужа, исчезнувшего таинственным образом), фото любовника – заводчика коз, самодельная соломенная кукла с иглой в заднице (в последнее время Семена Филипповича стал одолевать геморрой), а также ряд не отправленных по назначению доносов и документы. Воспользовавшись отсутствием Клавдии Лаврентьевны, Семен Филиппович бессовестно залез в святая святых тещи. На этот раз ему нужен был ее паспорт.

Вечером Семен Филиппович передал пакет с фотографиями, подробным описанием мест тусовок тещи, деньгами Федору.

– Вот, смотри. Вся необходимая информация и аванс. Только чтоб наверняка. Да, чуть не забыл, – спохватился он, доставая помятый лист с фото Клавдии Лаврентьевны, вырванный из паспорта, из кармана брюк. – Боялся, вдруг фото не получится или пленка засветится. Подстраховался.

– Ты сама находчивость, – восхитился сообразительностью друга Федор. – Ну, какие планы на сегодня?

– Да вот, не хотелось бы сильно напиваться. Так, культурно пивка в каком-нибудь баре, девчонок снять, а там как получится.

– Одобряю. Тогда пойдем на улицу, а то засиделись мы дома. А пакет с информацией оставлю пока здесь, на обратном пути заберу.

Домой возвращались под хмельком, за полночь, с двумя девицами, с которыми они на удивление легко нашли общий язык. Девицы, в меру симпатичные, не задумываясь, приняли приглашение друзей зайти к ним домой на кофе с коньком. Семен Филиппович ошалел от перспективы.

«Вот это круто, вот это класс! Девки молодые, красивые повелись на меня. А я еще того, еще силен, так-то вот. Да, пошла, пошла карта. Вот она, жизнь-то», – думалось ему.

– Ну, девчонки, – зайдя в квартиру, обратился к спутницам Семен Филиппович, – чувствуйте себя как дома. Сейчас мы устроим праздник.

Пили друзья уже изрядно, не забывая о своих девушках. Семен Филиппович тамадил – наливал часто и много, он где-то вычитал, что при алкогольном опьянении риск случайных половых связей становится гораздо выше.

– Богини! Право богини! – восхищался девушками Семен Филиппович. – Ангелы!

– Архангелы, – брякнул захмелевший Федор, подтверждающий репутацию эрудированного товарища.

Забавно пьяный Семен Филиппович вопросительно посмотрел на друга... Мгновением позже Федор вновь вторил комплименты, а через полчаса пытался склонить доморощенных богинь к групповому сексу.

День четвертый

Как обычно, Семен Филиппович проснулся в разбитом состоянии. Голова гудела ужасно. Он обнаружил себя в зале на полу у дивана, в штанах с вывернутыми карманами и в рубашке, порванной сзади. Федор спал на кухне, тоже на полу, на животе в какой-то луже.

Часом позже.

– Во ведьмы. Нет, ну надо же, а ведь на путных походили. Прошмандовки! Шлюхи! Найду – изнасилую, – распылялся Семен Филиппович, вышагивая по обчищенной квартире. – Унесли все что можно. Вот оно – ни стыда, ни совести. Клофелинщицы хреновы. Ну я вам дам, попадитесь мне...

Федор молча страдал, сидя на диване.

– Нечего сказать – хороший улов, – никак не мог уговориться Семен Филиппович. – И деньги, и технику, и, кстати замечу, аванс – это ж за мою любимую тещу, за ее упокой, во как. Благо, что фото ее оставили.

– Что делать-то будем? – проснулся Федор.

– Опохмелиться надо. Башка раскалывается. Эх, наскрести бы на бутылочку...

– Хорошо бы. А ментов будем вызывать?

– Федор, Федор, ты чего несешь? Какие менты? Ты в какой стране живешь? Повезет – сами найдем. А Петру я компенсирую его потери.

– Ну, как знаешь. Мне бы домой зайти, переодеться, а то выгляжу как свинья.

Выпив по бутылке пива, друзья разошлись – Федор домой, Семен Филиппович по проторенной дороге в камеру хранения. В шесть часов договорились встретиться.

Федор не пришел ни в шесть, ни в семь, ни в восемь. Семен Филиппович напивался в одиночку. Он решил, что друг кинул его – поменял на другую компанию. Потому он не стал ему звонить, узнавать, в чем дело – чего тут непонятного, все и так ясно. Ну и хрен с ним.

Федор же, находящийся в последние дни в прострации, совсем потерял счет времени. Заняв у приятеля денег, он шел домой с тремя бутылками пива. Пиво холодное с воблой. М-м-м... Федор предвкушал, и оттого в душе его пели песнь соловьи.

Дома его ждал сюрприз. Куда делись те соловьи и радужное настроение? Осталась лишь одна жена со скалкой. Через полчаса от души отутюженный Федор зализывал свои раны. На него настучала одна из лучших подруг его жены. Он недоумевал – как это она в таких подробностях знает некоторые очень личные моменты прошедших дней. Федор, конечно же, пошел в отказку, мол – враки, не было такого, где свидетели? За что получил дополнительную порцию тумачков. Федор держался как партизан – до последнего. Вот только зря. Одна единственная улика, беспечно оставленная повторно неудовлетворенной, и Федор был прижат к стене. Отвертеться он не мог. Как оказалось, в ресторане, где они квасили ранее с Семеном, Федор, в состоянии алкогольного опьянения, попросту не узнал подруги своей жены и закрутил с ней отчаянный роман. Подруга приняла «все как есть» – хавчик, мужик – все на халяву, выжала из Федора все что могла и отвезла его домой. А через день с чистой совестью рассказала обо всем его жене, оставшись при этом лучшей и преданной подругой.

Федор горевал, запертый в кладовке.

А Семен Филиппович в сильном подпитии шарился по городу дабы развеять тоску-печаль. Он обошел уже четыре кабака в поисках приличной компании, но все напрасно, одиночество не покидало его. Приняв в каждом понемногу, он успокоился, почувствовав себя уже не таким одиноким.

– Действительно, чего это я? Пошли вы все на хрен. Пойду домой и закажу проститутку. Лучше двух, с двумя-то у меня никогда не было.

На такси Семен Филиппович пожадничал, решил пройтись пешком. На полпути его самого нашла компания малолеток. Отоварили его на славу и деньги все забрали, что в кармане оставались – благо немного. Домой он добрался еле живой и сразу завалился спать. А проститутки? Да ну их к черту!

Так и закончился этот день его жизни.

День пятый

Целый день проболел. Никуда не ходил, спиртного не пил. Сидел в кресле, ходил по комнате. Мнительно и торопливо размышлял о фортуне, амбициях, неудачах, о высоких материях, любви и свинстве. От Федора никаких вестей. Сам звонить ему не стал – обойдется. Позвонил лишь домой, отмазаться – на работе запарка, домой не придет. Ближе к вечеру Семен Филиппович сходил за коньяком. Выпил полбутылки, больше не смог. Уснул в горьких думах.

Федора отправили за город на дачу на исправительные работы.

День шестой

Стало значительно легче. Семен Филиппович толком не мог понять отчего, но с души будто бы камень свалился, исчез тот якорь, державший его все это время в какой-то глухой яме. Он даже стал мурлыкать что-то незамысловатое себе под нос, готовя яичницу. Правда, тело еще побаливало, напоминая о недавней встрече с малолетними отморозками. Но ничего, это пройдет, благо лицо не сильно пострадало. Можно сказать, что ему в какой-то степени повезло.

К вечеру, допив коньяк, оставшийся со вчерашнего дня, он решил, что пора становиться человеком большого полета, а все мелкое, сиюминутное оставить за бортом. Хотелось бы, конечно, тещу удушить, но это подождет пока, всю жизнь ведь ждал. Пора, пора себя показать во всей красе.

В одиннадцать часов вечера Семен Филиппович с тысячей долларов в кармане стоял перед дверьми одного из самых пафосных казино города. Вот где светская тусовка, здесь обозначено место бомонда. Сейчас он зайдет и сделает это – слава, почет, женщины, деньги, знакомства – все будет в его руках.

Минуту спустя Семен Филиппович стоял в сторонке с ущемленным достоинством, зло матерясь – его не пропустил фейс-контроль. Охранник-амбал мягко, но точно послал его, указав на дверь – «закрытая вечеринка».

«Твари, недоноски, ублюдки хреновы. Костюм им мой не понравился, не выгляжу я на сто тысяч долларов. Демократия называется, равенство. Ну, мы еще посмотрим, кто кого. Вы еще узнаете, кто такой Семен Филиппович. Молиться на него будете, ниц падать».

С бутылкой коньяка он вернулся домой. Пил из горла. С ней и уснул.

День седьмой

Во сне Семен Филиппович сумел извлечь некоторые уроки из дня вчерашнего. Поэтому, проснувшись, он выпил лишь грамм пятьдесят для разгона и принял здоровый образ жизни. Побрился, сходил в душ, отгоняя вторичную сонливость и уже обозначенное контуром похмелье, запихнул в себя пару бутербродов и две таблетки цитрамона. Теперь он был готов к походу по магазинам.

Он долго решался войти в яркий, нарядный, модный и, наверное, очень дорогой магазин одежды с таинственным названием «Бутик вдохновенный». Продавцы-консультанты, завидев мужлана в поношенном костюме времен гэдээровского бума, собирались было прогнать вонючку поганой метлой, но, заметив в его руках деньги, полюбили его всем сердцем.

В щегольской обновочке от Кардена, костюм плюс рубашка, Семена Филипповича отправили в парикмахерскую. Цирюльники, по фирменным пакетам со звучным названием, куда хозяйственный Семен Филиппович определил свои старые шмотки, приняли пришедшего как бога, возлюбив его. Как всегда, богу уготовили самое дорогое и продвинутое.

В салоне красоты его вылизали окончательно. После педикюра, по тактичному совету девушки, выполняющей тяжкий труд по зачистке ногтей, Семен Филиппович отправился за новой обувью и носками.

Носочки – шик, за пятьдесят баксов, туфли из крокодильей кожи радовали глаза Семена Филипповича. Ему как-то было не по себе. Он решил сходить на рынок за продуктами, заодно пообтереться и привыкнуть к новому имиджу.

На рынке Семен Филиппович встретил Клавдию Лаврентьевну, толкающуюся проникновенно в очереди за мышьяком. Занятая любимым делом теща не заметила зятя, а быть может, попросту не узнала его. В любом случае Семен Филиппович поспешил ретироваться с глаз долой, дав себе зарок не кушать дома всякой всячины.

Вечером прикинутый Семен Филиппович с двадцатью тысячами в кармане более-менее уверенно шел к дверям казино, где вчера... К черту вчера – сегодня он будет лучшим. Конечно же, он не собирался ставить все деньги, это так, для фарса. Максимум тысячу, да и то это уже чересчур. Он предполагал выиграть, а потом играть на выигранные деньги и снова выиграть. Администрация казино любезно предоставила девушку-экскурсовода любознательному Семену Филипповичу, впервые попавшему в столь почтенное заведение, объяснить основные правила, показать, где столы рулетки, где играют в покер, где в игровые автоматы и где бесплатный бар для игроков. «Бесплатный бар» – отметил для себя Семен Филиппович.

В три часа ночи, услужливый охранник с Семеном Филипповичем подмышкой, наливающимся как свинья, вышел из дверей казино. Семена Филипповича аккуратно впихнули в бесплатное такси для игроков. Всю дорогу до дома он что-то пел, мычал, бессвязно матерился, ругал жулье, заполняя паузы боевым кличем гордого варяга.

Семен Филиппович проигрался в пух и прах.

День восьмой

Снова красивый Семен Филиппович, прилизанный и при галстуке, с тридцатью тысячами, рассованными по карманам, стоял перед дверьми казино. Еще одну тысячу, свернутую трубочкой (в рулончик), он запихнул в потайной карман трусов, на всякий случай. Теперь он точно знал, как выиграть...

День девятый

Его кто-то тряс за плечо. Семен Филиппович зашевелился.

– Ну что, Сема, поссать хочешь? – услышал он ласковый голос мента.

Семен Филиппович медленно разлепил веки. Увиденная им картина, разбудила в нем старые, далеко ушедшие воспоминания. Он сразу определился где находится – ни дать ни взять в трезвяке. Стояла чинная и умиротворяющая тишина как в старые добрые времена. Семен Филиппович приподнялся на локоточки. У кровати его находились сандалии, поношенные и на пару размеров меньше – его сандалии. Его гардероб также состоял из трусов в горошек и растянутой, жестко пахнувшей майки до колен. Семен Филиппович смиренно, опустив голову, пошел в сортир.

В это самое время в служебном помещении, в раздевалке, рядовой Скамейка, засветившийся в одном из анекдотов о мужеложстве, примерял костюмчик с ботиночками, доставшимися ему с барского стола как никому не нужные остатки.

– Пьерре Сардин, – прочел эрудированный Скамейка. – Оно дерьмо, конечно, дешевое, майор хорошее не отдал бы. Но все-таки – инпортное.

Семен Филиппович имел аудиенцию у майора Ништячкина.

– Ну что ж вы так, Семен Филиппович, вроде бы серьезный, взрослый человек, нарушаете правопорядок. Сотрудника милиции оскорбили. Нанесли телесное повреждение рядовому Скамейке (досталось случайно при дележке).

Семен Филиппович грустно опустил глаза.

– Товарищ майор, видит бог, не хотел я. Уж не знаю, как это получилось, не специально, а скорее случайно.

– Ну, ладно. Покаялся перед богом – значит исправился, – как-то быстро простил Ништячкин. – Оплатите штраф за оказанные нами услуги и ступайте с миром.

– Товарищ майор, – начал аккуратно Семен Филиппович, – мне кажется, что на мне не мои трусы и майка тоже не моя. (В трусах, обнаружив потайной карман, вскрыли даже швы под резинку – прим. автора.)

– Это вы, милый мой, напились так, что и сами ничего не помните. Вот именно в таком, не побоюсь этого слова, прелестном виде вас и доставили к нам в четыре часа утра. Не сомневайтесь, это ваши трусики. Это еще что! Вот, к примеру, по телевизору сегодня в новостях показывали: один бизнесмен, вроде приличный человек, ханыгой оказался, в казино одном приличном отлил прямо на игровой аппарат. Мол, туалет был закрыт – пьянь бескультурная. Напиваются и нарушают этот, как его... Порядок. Накрыли его коллеги наши, сидит голубчик, раскаивается. Вот какие неприятности подстерегают граждан, злоупотребляющих алкоголем.

– А еще на мне костюм был дорогой, за две тысячи долларов и туфли за шестьсот из крокодильей кожи, – не унимался Семен Филиппович.

– Не может быть! – вывалил глаза Ништячкин. – Эка, оплошал я. Скамейка-то везунчик, оказывается... А, – опомнился майор, – это я о своем. У нас неожиданно как-то рядовой Скамейка счастливый лотерейный билет вытащил, делиться не хочет гад. А костюмчика вашего дорогого мы не видели и туфель тоже. Кстати, у нас и свидетели есть – случайные прохожие, человек десять, не меньше.

– В четыре часа утра?

– Ага. А теперь, простите меня, пожалуйста, – срочное дело, – извинился милый Ништячкин, связываясь по интеркому с дежурным.

– Дежурный. Со Скамейки глаз не спускать, никуда не выпускать. Он кое-какие вещички мои захапал, падлюка.

Семен Филиппович учтиво ждал. Дождавшись, когда майор закончит, он продолжил выяснять для себя обстоятельства.

– Я почему о трусах вспомнил – там карманчик был потайной, а в нем тысяча долларов.

– Елки-палки, – как бы ругнулся Ништячкин. – У-у-у, – задрав голову, завыл по-волчьи он, – крысы на корабле. Извините, Семен Филиппович, я сейчас, дела, знаете ли.

Майор, сложив складку на лбу, прильнул к интеркому.

– Капитан. Что? Здравия желаю? Подох бы ты, сука ядреная.¹ Что же ты, уважаемый мною сотрудник милиции, вводишь в заблуждение свое начальство? Что? Ею ты будешь... Дорогой ты мой человек, ну разве так можно? Любезнейший мой друг, верни мне мою долю сполна, и я ни на мгновение не усомнюсь в твоей преданности и честности, так как для сотрудника милиции, по моему разумению, дело чести и благородства превыше всего. Ты до сих пор не понимаешь, о чем речь?² – Ништячкин поднатужился, вновь непривычно наморщив покатый лоб, долго выбирая правильные выражения, сказанные вслух при Семене Филипповиче. – Речь идет о пятистах свистках пришедших к нам сегодня, о которых ты мне имел честь доложить. А по ведомости их, оказывается, тысяча. Неувязочка получается. Да у меня и свидетель есть! Да! Может письменно подтвердить. Что же ты, капитанская харя*, собака ты эдакая*, сотрудников наших без свистков оставляешь?! Чем же они будут преступления предотвращать? То-то. Вышла. Весь комплект свистков мне на стол. Чего?! Проститутки? Субботник? Сегодня? Уже здесь? Ха! – мгновенно воскрес Ништячкин. – Буду, буду. Рассмотрим дело в надлежащей форме.

Бросив трубку, Ништячкин удовлетворенно вздохнул.

– Вот видите, дел невпроворот. Нет, трусиков ваших мы не видели, это точно. Ну все, ступайте с миром, и не обижайте более Скамейку – ну, если попадется он вам в какой-нибудь подворотне – он у нас такой нежный.

Семену Филипповичу под расписку выдали засаленное трико с оттянутыми коленками и заплатанную рубашку с коротким рукавом классического покроя. Таким красивым он и вернулся в свое временное прибежище – квартиру Петра. Сбросив с себя одеяние, определенное сразу же в пакет с мусором, кроме трико и рубашки, которые он должен был вернуть (кто знает, кому они завтра будут служить верой и правдой), Семен Филиппович забрался в душ смыть с себя всю ту мерзость, которой он успел пропитаться за сегодняшний день.

Проснувшись вечером, Семен Филиппович удивился самому себе. Он не был угнетен потерей огромных денег, проигранных в казино, безапелляционно беспредельным ограблением сотрудниками милиции, загадочным попаданием в края того самого вытрезвителя. Его не посетила депрессия, ранее бывшая его единственно верной подругой, не покидавшая его ни на мгновение. Не было того унижительного состояния укора, сожаления, что он опять что-то сделал не так. К своим не совсем удачливым приключениям, быть может впервые за последние десять-пятнадцать лет, Семен Филиппович отнесся по-философски: казино есть казино, там обычно проигрывают; в трезвяке всегда обчищают; огромные количества халявной выпивки частенько приводят к потере памяти. Надев на себя свой старенький костюм, он отправился в вытрезвитель, с ранее заначенной суммой, относительно символической, но весьма дееспособной, оплатить услуги и возратить вонючие шмотки, выданные ему под расписку.

По дороге ему пришла оригинальная идея оставить записку майору Ништячкину, пусть тот напряжет свой мощный мозговой аппарат.

Завершив все формальности, Семен Филиппович навал записку игривого содержания: «Многоуважаемый товарищ майор. Из одного носка одного из ваших клиентов было

¹ Выражение прорвавшееся сквозь цензуру.

² Все слова монолога были намеренно заменены.

изъято пятьсот новеньких свистков, о чем Вам не было доложено Вашими верными сотрудниками. Сознательный гражданин и доброжелатель. Привет нежному Скамейке». Оставив записку дежурному со словами «дело срочное и денежное», Семен Филиппович, не зарекаясь, вышел из вытрезвителя.

Смеркалось. Город уже зажегся своими точечными фонарями. Семен Филиппович не спеша побрел к вокзалу. Торопиться, в общем-то, было не куда. Из окон апартаментов Ништячкина звучала какая-то музыка, довольные гортанные звуки сытых боровов, «нежный смех» дешевых проституток, работающих сегодня не за деньги и не за доброе слово, а за просто так.

– У-у-у, – до него донесся знакомый волчий вой – записка нашла своего адресата.

«Сняв со счета» в камере хранения десять тысяч, Семен Филиппович, умудренный опытом, поймав такси отправился домой. По дороге приспичило заехать в магазин. Опять расходы... Купил бурбон – никогда не пробовал – и то, с чем его пьют – закуску. Хотелось развеять тоску – тоску вселенскую, засевавшую камнем в его душе, нажраться, нажраться так, чтобы было весело, был праздник, чтобы, проснувшись утром, было не жаль потраченных денег, своей опухшей головы и своей репутации, явившейся новым качеством нового человека – его. Оптимизм, зародившийся в нем час назад первыми неуверенными ростками, исчез бесследно, оставив за собой лишь вялую, пожухшую листву. В голове была полнейшая пустота, никаких эмоций, ничего. Что делать-то дальше, куда двигаться, в каком направлении? Все, чего бы он ни пожелал, разбивалось о какую-то невидимую преграду, на мельчайшие осколки, оставляя лишь боль, знакомую и ненавистную. Как долго он мечтал о больших деньгах, и вот они здесь, в его руках – а мир не пал к его ногам, все совсем наоборот. Этот парадокс Семен Филиппович принять не мог. Ни грамма удовольствия, удивительно. Даже тещу замочить не удалось. Будто бы сглазил кто его. Точно-точно – теща и сглазила, ведьма. Сразу явственно вспомнился тещин глаз, торчащий под дверью, на который он пытался наступить. Вот она разгадка-то! Так, так... Ура! Все, дело в шляпе! Ну и что у нас от сглаза? Семен Филиппович знал лишь одно средство, он, правда, им никогда не пользовался, но люди говорят, что верняк, стопроцентная гарантия. Семен Филиппович налил стакан бурбона: «То ли щас его выпить, то ли после? Не, после. Сначала дело». Встав в центр кухни, он опустился на колени. Посмотрев недоверчиво в потолок, прочистив горло, он кратко и выразительно пустил по взгляду свою речь:

– Господи, спаси меня от сглаза и замочи мою тещу. Имя у ней – Клавдия Лаврентьевна. Аз есмь раб твой – Семен.

Трижды перекрестившись, Семен Филиппович поднялся, упершись взглядом в наполненный стакан. «Сейчас и подмаслим», – подумал он, довольный своей идеей:

– Ну, – со стаканом в руке обратился вслух туда же Семен Филиппович, – твоё здоровье, господи. Кха! – крикнул он, залпом осушив стакан. – Тоже мне, еще бурбоном обозвали – самогон паленый. Сколько денег зря потратил. О! – тут же переключился он. Достав из кармана пачку зеленых купюр, Семен Филиппович тщательно перекрестил и ее, а потом и себя для надежности.

Зазвонил телефон.

– Федор! – радостно воскликнул разогретый Семен Филиппович, подбегая к телефону.

– Але.

– Але. Семочка это ты? – услышал он молодой и чарующий женский голос. «Семочка» – у Семена Филипповича на душе стало жарко.

– Э-э, м-м. Да, да. Это я, – разволновался он, не представляя, кто же это может быть.

– Надеюсь, ты меня узнал? Это Ксения, – на всякий случай нежно произнес женский голос, дабы не случилось казуса.

– Э-э, м-м, ну да. Просто слышимость плохая, – соврал Семен Филиппович, краснея от натуги напрягши свою память. – Как поживаете ...шь, Оксаночка, – сделал попытку попасть в лад он.

– Семочка, – промурлыкал с укором голос, – вчера я весь вечер тебе объясняла, что Ксения и Оксана это разные имена.

Семен Филиппович задумался: в первом приближении разницы никакой.

– Ксюшенька, извини, это я от волнения, – уже лучше, отметил по себя он.

– А отчего ты волнуешься?

– Услышал твой голос журчащий как ручей, и сразу сердце мое потеряло покой, – хорошо.

– Я польщена. Как прошла твоя встреча с банкирами?

«С банкирами? Какими банкирами? Где ж это я так проврался?».

– С банкирами?.. Ну, не так, как хотелось, могло быть и лучше. Эти подлецы украли с моего счета пятьдесят тысяч долларов. И не хотят возвращать, сволочи. Можно сказать, обули меня до последней нитки, – Семен Филиппович аж сам открыл рот, поражаясь глобальности своего вранья. «Эка финта я выписал».

– Семочка, не расстраивайся. Для тебя же это такие пустяки, – меркантильно-обеспокоенно произнес бархатный голос Ксении.

– Ок... Ксюшенька, ну конечно же. Я уже об этом и вспоминать более не смею.

– Семочка, ты мой герой! Честно сказать, не ожидала я встретить в этом скучном казино такого, как ты, – настоящего мужчину, человека большого полета.

– Хе-хе-хе, – после некоторой паузы порадовался за себя Семен Филиппович, не сразу сообразив, что речь про него. – Ну что ты. Это же я так, по скромности своей. Ты не подумай, что я такой застенчивый, просто мысли все мои были нацелены на этих чертей – банкиров. А так я очень даже веселый человек, – Семен Филиппович пытался выразаться обычными, не к чему не обязывающими фразами. Он уже понял, что заарканил эту красотку в казино своей пьяной брехней и прочими прелестями, источаемыми им в свинообразном состоянии. Чего он вчера выдавал в этом казино, при каких обстоятельствах с ней познакомился, наговорил ли лишнего – Семен Филиппович вспомнить не мог.

– Ты это серьезно? – Ксения была реально удивлена. – Ты меня заинтриговал. Интересно, каким же ты бываешь, когда ведешь себя нескромно? Надеюсь, я скоро это узнаю, – игриво закончила она.

Семен Филиппович слегка вспотел.

– Как прикажешь, моя королева, – «какой я молодец». – Ксюш, ну скажи мне честно, что же все-таки тебя удивило в моем поведении? – Семен Филиппович решил идти другим путем.

– Ну-у, Сем, я как-то сразу поняла, как увидела тебя, что ты можешь все. Даже когда ты только начал играть фишками по пять долларов, я сразу почувствовала в тебе опытного игрока, оценивающего ситуацию.

«Потому что меньше не было. Так, это я еще помню. Как же все-таки она выглядит?»

– А вот когда ты снова появился, – продолжал женский голос, – ты показал, на что действительно способен. И тогда я сказала себе: вот он, мужчина, который знает цену жизни. Ну разве это не удивительно?

«А вот этого я уже не помню. А вдруг какая-нибудь корова? Чертова халявная выпивка».

– Ксюш, будучи рядом с тобой даже черти становятся подобны богам.

– Ха-ха-ха, – звонко рассмеялась Ксения, оставшись весьма удовлетворенной словоблудием, исходившим от ее нового знакомого. – Сем, какой ты милый.

– Ну что ты, – засмутился он. – Право, вчера я был чрезмерно серьезным, все же игра на деньги, нельзя проявлять излишние эмоции – иначе не поймут.

– Но ты так потешно колдовал, чтобы выпало твое число, скакал на месте, шаманил вокруг стола, падал на пол, дрыгая ногами, улюлюкал. И что удивительно – все молчали, никто слова не сказал, не сделал ни единого замечания, даже когда ты радостно укусил за попу официантку, та даже поблагодарила, мол – никто еще ее так не кусал приятно за попу. А когда ты попытался украсть, конечно же в шутку, у своего соседа фишку, выгнали взащей именно возмущающегося соседа, а не тебя. Тогда я уже точно знала, что ты авторитетный человек, чуждый каких-либо комплексов.

«Еще бы замечания, выгнали – столько денег просадил», – проворчал про себя Семен Филиппович.

– Ксюш, все это пустяки, вчерашний день уже прошел, о сегодняшнем думать нужно.

– А у меня есть предложение сходить в ресторан, – игриво внесла Ксения.

– Скажи-ка, необыкновенная, а у тебя всегда такие чудесные предложения? – заигрывающе спросил Семен Филиппович.

– Всегда, Сем, для тебя всегда. Кстати, спасибо тебе большое за денежку, что ты выделил мне на колечко, оно тебе понравится.

– Пустяки, что уж там, – как можно спокойней произнес он, где-то далеко соображая, сколько же оно стоит.

Семена Филипповича несло на крыльях влюбленности к забытой им изысканной и таинственной красавице, уже нарисованной в его воображении. Он ходил по квартире из угла в угол, предвкушая завтрашний день, когда он встретится с Ксенией. Семен Филиппович был уверен в том, что она – его судьба, его любовь, его будущее. В том, что она должна оказаться красавицей, он нисколько не сомневался. У них будет трое детей – два мальчика и одна девочка. Красиво поженятся, отправятся в свадебное путешествие на морском лайнере, приобретут недвижимость и заживут широко и красиво. Теперь нужно обстоятельно подготовиться... Живет он у друга детства, временно, пока в его новых апартаментах делают ремонт. Так, теперь насчет работы – надо узнать точнее, что он уже успел ей натрепать, и развить эту тему. В конце концов, женщине все равно, откуда берутся деньги, лишь бы их наличие не вызывало никаких сомнений. Да, и обязательно обновить свой гардероб – приличный костюм, рубашка, часы, обувь – он начинал привыкать к роскошной жизни, нужно поддержать свое реноме. И вот еще что, почти самое главное – сегодня больше не пить, лучше выспаться от души.

Десятый день

Уже полчаса Семен Филиппович крутился у зеркала. Эх, красавец – хорош, ай да хорош. И костюм лучше прежнего, и прическа, и взгляд уверенный какой-то, даже наглый немножко. Хотя мандраж терзал его крепко – лишь бы не оплошать, не сглупить. Уж очень переживал он, что не узнает ее, а не узнает точно, потому как не помнил образа ее совершенно. Пренеприятная ситуация может случиться. Хоть бы одно гламурное воспоминание – ничего. «Ладно, упрись мордой в меню – сама меня найдет».

Еще целый час до свидания. Семен Филиппович был абсолютно готов и не знал, куда себя деть. «Даже выпить нельзя», – ворчал он. Все ради будущего, ради молодой семьи своей. В дверь позвонили, Семен Филиппович озадаченно крикнул. Увидев Федора в дверной глазок, Семен Филиппович расцвел.

– Ха, – помпезно громко хакнул он, чтобы было слышно за дверью, и распахнул ее настежь.

Федор был не один, а с двумя женщинами. Он скрупулезно просчитывал варианты и нецензурно матерился про себя, уверенный, что зря сюда пришел. В любой другой ситуации Семену Филипповичу стоило бы схватиться за голову – такое богатство выбора, еще две женщины. Но сейчас он схватился за голову по причине иного свойства. Опустив нижнюю челюсть до предела, он хлопнул два раза глазами, вот так – раз, два, промычал членораздельное «му», тем самым полностью объясняя ситуативный ряд и свое отсутствие в лоне семьи в течение n-го количества дней, прикинув путь к дальнейшему отступлению и скорейшему последующему бегству. Мгновеньем позже Семен Филиппович сидел, запершись в туалете. С Федором пришла его жена с подругой – женой Семена Филипповича, каким-то чудом, не попавшие под всевидящее око дверного глазка. Пока Семен Филиппович был недоступен, били Федора. Испытанное пытками, бренное тело Федора смиренно принимало уготованное ему судьбой.

Семен Филиппович уже принял решение, и сейчас внимательно прислушивался к звукам, издаваемым дружной компанией во главе с телом Федора. Наконец, дождавшись, когда звуки уйдут в дальнюю комнату и путь окажется открытым, Семен Филиппович рванул что есть мочи к выходу.

– Молодой человек, вы не меня ждете? – к этому моменту Семен Филиппович уже так устал отгонять назойливого официанта от себя, пытающегося отобрать у него меню, которое Семен Филиппович успел запечатлеть в своей памяти на века, начиная от «свинины по-татарски», заканчивая салатом «сталичний», что был готов к любой мерзости, не заставившей себя долго ждать. Закаленный подлянами, происходящими с ним в последнее время с частотой укуса комара в районе Среднесибирской возвышенности в период полового созревания *flores chamomillae*³, он все же поднял напуганно бровь. Такого он не ожидал: «Мамонтихи-2» он уже не перенесет. «Что творит водка с моею эстетикой!» – возмутился про себя он.

– Ну, если вы правильно произнесете пароль, то у меня не остается выбора, – не свойственно ему мудро ответил Семен Филиппович.

– Пароль? – смутилась желеобразная гора. – Это вы, Карл Мейерхольдович?

– Нет, я не Карл и тем более не Мейерхольдович, – почему-то обрадовался за себя Семен Филиппович.

³ Ромашка обыкновенная (лат.)

И тут он увидел небесное создание, движимое неуловимым, волшебным ветром в его сторону. Она смотрела на него, именно на него глазами, наполненными нежностью и теплотой. Семен Филиппович смущенно отвел взгляд в сторону – не может быть, чтобы такая красавица нашла в нем хотя бы одну крупницу привлекательности. Он почувствовал, что она слишком близко подошла к нему. Набравшись смелости, он вновь посмотрел в ее сторону. Она остановилась у его стола и, казалось, была несколько смущена. Лишь мгновение длилась эта пауза. Сделав шаг ему навстречу, она наклонилась и нежно поцеловала Семена Филипповича в щеку, открыв пред ним неиссякаемые просторы своего декольте.

– Семочка, привет, – игриво произнесла она.

«Свят, свят, свят», – Семен Филиппович радостно проглотил слюну. В одно мгновение перед ним пронеслась вся его жизнь. Высокая эффектная блондинка с божественным бюстом почти сказала, что хочет его. Сердце запылало жаром любви. Только бы не показалось.

– П-п-привет, – иссохшими губами пролепетал он.

– Ты почему такой смурной? Мужчина моей мечты не должен хмурить бровки.

– Да я... Никак не могу поверить, что знаком с богиней.

– А если я поцелую тебя, ты согласишься?

– Что будете заказывать? – подвернулся под руку подлый официант.

– Ой, я так проголодалась, – с высокого на пошлое переключилась Ксения и углубилась в меню, моментально забыв об обещанном поцелуе.

За весь вечер Семен Филиппович выпил лишь пару бокалов доселе неизвестного ему французского вина. Но даже любовь, поселившаяся в сердце, не смогла смягчить того ужаса, отразившегося в его глазах, по понятной причине не наполненных алкоголем, при виде счета, принесенного услужливым гадом-официантом. Ксения знала толк в меню. Вечер был подпорчен.

Ксению распирало в разные стороны, и она уже выбрала несколько удачных на ее взгляд направлений: ей хотелось отдохнуть в казино или потусоваться в модном ночном клубе, ну и совсем «накрайняк» – съездить в боулинг. Семен Филиппович же хотел хлопнуть стакан водки. Он был зол на себя за то, что никак не мог унять раздражение. Но он сумел справиться и с этим. Ему никак нельзя было падать лицом в грязь. Галантность – вот его конек, благородство – его составляющая. Джентльменом он был, им и останется. А джентльмену негоже тащить девушку, которую он полюбил всем сердцем, сразу в постель. Здесь нужна феерия, эпатаж и романтика. И потому, несмотря на все томные вздохи и нежные слова, настроенные на продолжение банкета, «чтобы не тратить на эту змею ни цента», Семен Филиппович решил отправить Ксению домой, сославшись на то, что у него впереди деловая встреча.

Одиннадцатый день

Эту ночь Семен Филиппович спал плохо. Все казалось, что Ксения сказала ему «да», а он, дурак, отправил ее на такси домой. Рассвет Семен Филиппович встретил окончательно злой и вконец неудовлетворенный. Номер, который он снял в гостинице, взамен квартире Петра, запаленной его женой, слабо относился к фешенебельным, но с точки зрения слышимости не уступал фонендоскопу. Семен Филиппович точно знал, что на этом этаже удовлетворены были все, даже те, кто нашел приют у его двери. Он еще раз пожурил себя за окончательно созревшего в нем жмота. Сейчас бы и выспался на пуховой перине, и Ксения – нареченная его, сказала бы три раза «да».

Утром он решил сменить гостиницу. Взял номер люкс с приставкой «полу» – дважды. Ну какой же он жмот после этого?! Душа требовала мести и разврата. Сначала позвонил жене на работу, надеясь, что на работе она постесняется применить свое пролетарское языкознание на деле. Напрасно. Галантный, благородный джентльмен, которому, право, чужды мысли о случайном сексе с воспитанной леди, узнал, что он является совершенно другим человеком. Правда, этого нарисованного джентльмена практически мгновенно завалил сам же Семен Филиппович, толково объяснивший своей жене, что и она не совсем еще окрепла в смысле диалектического развития... Наматерившись вдоволь, Семен Филиппович решил понежиться в гламуре путем общения с Ксенией. Но и здесь его ожидал такой облом, о котором он и думать не смел. Ксении, конечно же, не понравилось такое окончание вчерашнего вечера. Она понимает – бизнес есть бизнес, но ведь она, нежная и ранимая девушка, требовала лишь любви и внимания после посещения какого-нибудь модного места. Как же ей понравился день позавчерашний, когда галантный, благородный джентльмен Семен Филиппович затащил возлюбленную свою в арендованный им на час туалет казино и воспользовался ее девичьей невинностью. Это было что-то, такого сумасшедшего секса, страсти и оргазма она доселе не испытывала... Семен Филиппович своими глазами увидел кондрашку – из этого всего он не помнил ровным счетом ничего! Это издевательство, надругательство над святой святых – чувствами Семена Филипповича! Мало того, что рассказанное Ксенией открыло ему новые просторы, так еще и вчера, он, уже владеющий всеми просторами, остался наедине с руками-помощницами в вертепе разврата, единственный и неповторимый неудовлетворенный, благородный козел и галантный дебил.

Спустя час Семен Филиппович уже спал, убаюканный бутылкой водки. Ксения приехать отказалась. Уперлась коза рогами, мол, дела – подруга приехала. Семен Филиппович затаил обиду и бутылку водки. Водка закончилась, обида осталась.

Уже вечером его разбудил телефонный звонок. Ксения с подругой ждали его в модном кабаке.

С Ксенией Семен Филиппович, прибывший спустя час в кабак, держался подчеркнуто официально – дескать, я обижен и ситуацию контролирую. Пара рюмок конька, упавших на старые дрожжи, подчеркнули его индивидуальность. Семен Филиппович крепко врал и наглядно домогался подруги Ксении. Ксения была зла, ее подруга не очень, ее вполне устраивали офшорные счета Семена на Каймановых островах. К моменту, когда брехня дошла до Каймановых островов, Семен Филиппович уже пытался облапать каждую из пассий отдельной рукой. Как обычно, женская солидарность победила: незаметно подсунув свой номер Семену Филипповичу, подруга вместе с Ксенией покинула ресторан «с гордо поднятой головой». Семен Филиппович остался наедине со счетом и руками-помощницами.

Двенадцатый день

Проснувшись, Семен Филиппович позвонил Ксении, чтобы та приехала. Ксения, как и его жена, недалеко отошла от пролетариата. Прослушав продублированную информацию о себе, Семен Филиппович на этот раз попросил прощения. Узнав, что «нет ему прощения» и что она, Ксения, лучше на эшафот или в объятья к последнему алкоголику, чем к нему, Семен Филиппович пошутил, что он и есть последний. Как оказалось, этого мало и похода в ювелирную лавку ему не избежать. После общения с Ксенией Семен Филиппович позвонил ее подруге. Здесь им были восхищены и польщены его вниманием. А еще Ксюша, хоть и подруга, – стерва, пустышка, плохая хозяйка и меркантильная сука. Да-да, конечно, о друзьях такого говорить неприято, но для всеобщего блага, она – лучшая подруга – более не может утаивать этого факта. Получив сполна объективную и единственно верную информацию о себе от совершенно незаинтересованного человека – подруги Ксении, Семен Филиппович пристально всмотрелся в свое отражение в зеркале. Действительно, божественный лик проявлялся отчетливо. СЕМЕН ФИЛИППОВИЧ цепанул звездняка. Он набрал жене, чтобы та – дура, уяснила для себя, что она – курица, а он – никакой не петух, а напротив – орел. Рассматривая данный диалог как концептуально новое явление, а именно – виртуальную реальность, жена Семена Филипповича на данном временном отрезке летела на сверхзвуковом лайнере, запершись в туалетной кабинке – съела что-то не то. А где-то снизу парил орел, гордо взирая с высоты своего полета на окружающую его действительность. И надо же так метко нажать на слив! Как оказалось, звездняк – явление временное. Бросив трубку, Семен Филиппович еще долго ругался, плевался и репетировал монологи, которые в дальнейшем приведут его к безапелляционной победе над этой гнусной курицей.

Остаток дня он провел в походах по ювелирным лавкам. Вечером пригласил обеих дам в ресторан, дабы определить для себя, кто же из подруг ему ближе. Семен Филиппович был весьма учтив, внимателен, почти трезв и обстоятелен. К закрытию ресторана он совсем запутался, так и не определившись с выбором близкой по духу подруги жизни – хотелось обеих.

Дни тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый и семнадцатый

Все дни прошли в одном ключе: Семен Филиппович ухлестывал за обеими. Ходил по ювелирным, кабакам, концертам, клубам, поочередно ухаживая то за одной, то за другой. Подруги терпели друг друга только лишь в присутствии Семена Филипповича. Он одаривал девушек подарками, а их любовь к нему с каждой новой побрякушкой становилось все более бесконечной. Семен Филиппович продолжал названивать жене, оттачивая свои выступления. Жена же в течение всего времени ничем новым его не удивила: каким он был, тем же и остался.

Семен Филиппович купил себе ноутбук, чему был несказанно рад и теперь козырял им на каждом шагу, тем самым несколько смущая своих подруг уже давно привыкших к таким игрушкам. Все дни Семен Филиппович крепко держал себя в руках – почти не пил, не пако-стил и даром не проказничал. Подруги списывали все это на его чудачество. Сам Семен получил от каждой из своих пассий по подарку. От Ксении он получил шикарные часы швейцарского происхождения, от ее подруги – перстень небывалой красоты. Крепко его любили. За подтверждение этой крепкой любви (за часы и за перстень) Семен Филиппович выложил немалые деньги. Сказать по правде, он не понимал: чем та хрень, которую ему подарили, отличается от той, которая стоит на два порядка дешевле. Но на это он махнул рукой – потом дорасту. Самое трагичное, что по прошествии всех этих дней, несмотря на беспрецедентно бесконечную любовь к нему, ни одна из подруг ни разу не сказала ему «да». Правда, Ксения один раз сыграла с ним в ладушки. Что-то он делал не так. Его терпению пришел конец. Завтра он возьмет быка за рога.

Восемнадцатый день

Трагедия.

Такого Семен Филиппович ни как не ожидал.

Закончились деньги.

Как обычно, он зашел в камеру хранения к своей ячейке. Соблюдая осторожность, открыл ее и сразу в пакет рукой, туда-сюда – а денег-то и нет. Во второй, третьей и четвертой ячейках ждало очередное разочарование. Он долго не мог прийти в себя: вытряхивал пакеты, засовывал в них голову, ощупывал их вдоль и поперек. Нет, деньги никак не хотели появляться. Семен Филиппович был в смятении – пришла пора жениться. Ценой невероятных усилий он выбрал Ксению – приличная девушка не будет с кем попало играть в ладушки. А он, как воспитанный мужчина, должен поговорить с ней начистоту. Мол, неустойчивые тенденции рынка привели к некоторому снижению его активов и значительная часть их ушла на реорганизацию производства, амортизацию и на взятки. Не стоит впадать в отчаянье, ничего страшного, какие пустяки. Просто денег нет. Но они будут – потом и, может быть, еще больше.

Выслушав Семена Филипповича, Ксения, как опытный стратег, сделала для себя определенные выводы – это чучело, очевидно, ее проверяет, но где она прокололась со своей непосредственной меркантильностью, вспомнить не могла. Стоило выдержать некоторую паузу, провести, так сказать, рекогносцировку местности. Время все расставит по своим местам.

– Сем, что бы там ни случилось, знай, что у тебя есть я. Ты мой герой, а для героя не существует серьезных проблем. У меня сейчас, к сожалению, мало времени, – резко обрубила тему она, – мама заболела, нужно съездить навестить ее. Но ты звони, не забывай. Хорошо?

– Ксюш, не спеши, удели мне часик внимания. Ты бы знала, как же хочется теплоты. Давай отдохнем душой и телом, – приступил к задуманной затее Семен Филиппович.

Ксения быстро сообразила, что ее собираются поиметь на халяву. Ее это сильно возмутило.

– Сема. Как тебе не стыдно?! Думать о таких вещах, когда у меня такое горе. Мать моя умрет не сегодня – завтра. А он со своими грубыми намеками. Нет, ничего у тебя не выйдет. Ты меня обидел, мне нужно собираться.

Ксения ожидала, что он начнет извиняться, успокаивать ее, предложит помощь... Ну, финансовую, конечно. Ничего такого, напротив – сам надулся как бобер. «Я теряю его, – мелькнуло у нее в голове. – Надо замять эту тему. А то, не дай бог, врет насчет денег. Потеряю, блин, дурака-спонсора».

– Семочка, – примирительно нежно произнесла она и чмокнула его в губы, – ну извини меня. Я вся на нервах. Испереживалась за маму. Ты должен меня понять...

Через десять минут Семен Филиппович уже шел по улице. Как назло, погода была под стать настроению – моросил дождь, так липко и неприятно. Как-то нехорошо было на душе. Вроде и замяли с Ксенией они этот инцидент, и извинилась она десять раз. И чувства у нее глубокие... Да только почему-то было противно от всего этого. Ведь он знал, знал наверняка, так же, как знают наши хоккеисты, что американский арбитр их засудит, что врала она – с начала и до конца. Не хотелось в это верить, но ничего противопоставить этому предположению он не мог. Быть может, только ее подругу...

– Я так и знала! Это ж надо, какое мурло! – на все кафе, куда пригласил ее Семен Филиппович, произнесла подруга Ксении, услышав историю о закончившемся наличие денежной массы. – Ты вытащил меня из постели, чтобы поведать мне это дерьмо? Пошел-ка

ты, Сема, куда подальше. Тупоголовый недоделок. Надо Ксюхе рассказать, вот она посмеется. Столько времени на него потратили, а он вон чего учудил.

После этой зажигательной речи Семену Филипповичу показалось, что разговор о женитьбе и уж тем более о том, как бы затащить ее скорее в свой номер, будет как бы не к месту. Он снисходительно улыбнулся и пожелал ей любви. Она pokrutila указательным пальцем у виска. На том и расстались.

Вечерело. Не переставая моросил дождь, заполняя сумрачной тоской открытые пространства. Семен Филиппович который час бродил по пустынным аллеям парка. Эта погода, пустота, эта осознанность одиночества как никогда были близки ему сейчас. Он не думал о времени, проведенном в этом парке, о мерзкой сырости, пропитавшей его целиком, о своем уже далеко не крепком здоровье... Он толком не помнил, как он оказался здесь и по какой причине выбрал именно этот маршрут. Он знал лишь одно – нельзя ему в номер, в четыре стены одиночества. Иначе он падет, сдастся – вселенская тоска овладеет его душой и уже ни за что не выпустит из цепких своих объятий.

Наконец его мысли стали обретать некую форму и направленность. Он взглянул на себя как сторонний зритель, бесстрастный и справедливый, которому не присущи эмоции и сострадание к развитому эгоизму индивида. И тогда все эти дни, когда он был владельцем огромного состояния, растаявшего на глазах, показались ему пустым, глупым комком, ничемным и несуразным, где ему была выделена пусть даже главная, но далеко не лучшая роль. Будто бы все его тайные желания и помыслы, не реализованные в течение всей его неяркой жизни, родились на свет в искаженной, неприглядно безликой форме, где не осталось места доброму, светлому, теплему.

Горечь о потерянных деньгах сменилась апатией, которая в свою очередь уступила место отрешенным размышлениям об окружающей действительности, основанных на ощущениях, прошедших сквозь призму собственного восприятия. Семен Филиппович медленно приходил в себя. Быть может, действительно, что дано одному – не дано другому? Ведь как бы он ни старался, сколько бы средств ни вкладывал в достижение той или иной цели, сколько бы ни приложил усилий, чтобы вылезти из той ухабистой колеи, именуемой его жизнью, у него так и не получилось ровным счетом ничего! Ничего, пустота, ни одной верно решенной задачи. Полный ноль. Видимо, так судьбой положено: и с деньгами, и с женщинами, и с удачей, и со здоровьем, и с другими прелестями жизни – кому они нужны, у того они обязательно имеются, и распоряжается он ими соответственно. Ну а другого обеспечить тем же (как случилось с Семеном Филипповичем) – результат окажется неизменным, как ранее говорилось – ноль. Всепоглощающий ноль. Возможно, верно, что бог в каждом из нас и каждый сам себе судья, пишущий свою историю далеко вперед, того не подозревая, проецируя свое будущее, награждая себя тем или иным событием или же наказывая за что ни попадя. Выражаясь математическим языком – величина греха согрешившего прямо пропорциональна осознанию им этого греха. Семен Филиппович глубоко вздохнул:

– Да ну их к черту, эти деньги! – произнес он громко. – Еще посмотрим, кто кого.

Буквально за несколько мгновений он для себя все решил.

Быстрым шагом он направился к себе домой – просить у жены прощения. Он не собирався валяться у нее в ногах, моля пустить его обратно. Нет, он просто попросит у нее прощения, потому что вел себя как свинья. Мрачна и ужасна всепоглощающая бытовуха, он поддался ее козням, он был слаб и всю слабость свою выместил на жене, а она лишь женщина, что с нее взять. Он бы убил за одно Клавдию Лаврентьевну, но вроде где-то было сказано, что это криминально, хотя никаких морально-этических преград он не видел. С работы его, конечно же, уволят – ради бога: «Найду другую». Ну а все остальное – неизменно, все по-прежнему. Только вот он уже не тот, и никогда уже не будет тем, кем был прежде.

Оказавшись у двери своей квартиры, он ни секунды не колеблясь позвонил. Не было ни криков, ни истерик, ни прочих состояний нестабильности. Жена молча впустила его в дом. В то время как ее дражайший осваивал жизнь обеспеченных людей, она, по совету мудрых подруг, попыталась устроить себе личную жизнь, найти не такое завалящее и устаревшее. После ознакомления с рынком последних усовершенствованных моделей она еще раз убедилась, что все мужики козлы, эгоисты, паразиты, бездельники, алкоголики, прелюбодеи, прохиндеи, свиньи, тупоголовые засранцы, чревоугодники и еще раз козлы и что крест-то ее не так уж тяжек, а мужик не так уж завалялся и не так уж обветшал.

Уже добрых полчаса они молча сидели на кухне. Кроме произнесенного Семеном Филипповичем прощения ничто не нарушало тишины. Даже Клавдия Лаврентьевна, звонко щелкающая по пульта большим пальцем в поисках благородного сериала, крепилась, остатками ума своего осознавая всю драматичность момента.

«А не так уж и глупа жена. Ни одного вопроса, пустых слов – где был, что делал... Ни к чему они, не нужны они сейчас», – подумал он.

- Есть хочешь? – нарушила тишину жена.
- Может, позже, когда дети возвратятся с прогулки.
- Дождешься их, – пожаловалась она.
- Ничего. Схожу в магазин, куплю пока чего-нибудь.

На оставшиеся деньги Семен Филиппович набрал целую гору различных деликатесов, выпивки и других редко употребляемых ранее его семейством продуктов.

На этот раз он открыл дверь своим ключом. У двери его встретила жена, помогла снять пиджак. Клавдия Лаврентьевна продолжала смотреть напряженно телевизор. Выгрузив продукты, он зашел в зал поприветствовать Клавдию Лаврентьевну – его обуяли старые добрые чувства ненависти к нежно любимой теще:

– Добрый вечер, Клавдия Лаврентьевна, – приближаясь к нирване, произнес Семен Филиппович.

Теща зло ухмыльнулась – видимо, тоже была рада встрече.

– Клавдия Лаврентьевна, а вот книги, что вы недавно случайно обронили, – Семен Филиппович махнул в сторону книжной полки, покрывающей стену от пола до потолка, – вы читали?

- Да. Читали, читали. Не глупей других. Гоголей, Моголей, Пушкиных там всяких.
- А насчет зарубежных классиков, скажем Байрона?
- Читали, читали, намеренно перечитывали.

У Семена Филипповича засосало под ложечкой. Он вытащил книжку из ряда и быстро перелистал ее. Сто долларовая купюра сама выпорхнула из книги пред изумленным взором Клавдии Лаврентьевны.

– Невнимательно же вы читаете классиков, – съехидничал Семен Филиппович, подбрав купюру с пола.

Был поздний вечер. Дождь нечасто стучал в окна. Семен Филиппович сидел в одиночестве на кухне с початой бутылкой водки и парой бутербродов с красной икрой. Семья уже спала. Клавдия Лаврентьевна внимательно изучала классиков. Наполнив до краев граненый стакан, Семен Филиппович тяжело вздохнул. Его душу все же щемило – не так часто выпадает такая удача, стать обладателем целого состояния... И вот судьба – не дано ему быть богатым, против нее не попрешь.

– Да, – произнес громко он, перебирая пальцами стакан, – вот тебе и кренделя. Эх, как бы хотелось начать все сначала, то-то бы я развернулся. Ну и дурак же ты, Сема... Кхе! – кхекнул он и залпом осушил стакан.

Через десять минут Семен Филиппович уже спал, мучительно разыскивая во сне запряженный им в стог сена парашют на фашистской территории. А на кухне сохли два недоеден-

ных бутерброда, пока их запах не отвлек Клавдию Лаврентьевну от увлекательного занятия – порчи книг.

Следующий день

Семен Филиппович проснулся с неестественно тяжелой головой, будто бы он вчера крепко пил. Минут десять он лежал не шевелясь, не открывая глаз, тем самым отодвигая момент встречи с объективной реальностью, столь неприятной, сколь и неотвратимой. Нужно было начинать новую жизнь, не просто новую, а новую счастливую жизнь. А это тяжело, ох как тяжело – настроиться на новый лад, жизнерадостный и безупречно созидательный, когда теща рядом жива и здорова. Да еще и чувствуется как-то неуютно в годах наелезанной постели. Ладно, все. Пора навстречу жестокой реальности, создавать уют и процветание. Семен Филиппович открыл глаза и тут же закрыл их снова. Что за чертовщина, Семен Филиппович напугался – померещился неестественно знакомый чужой потолок. Он вновь аккуратно, боясь спугнуть видение, приоткрыл один глаз. Он! Потолок! Ха, его любимый потолок! Семен Филиппович таращился теперь в два глаза. Кровать, очень знакомая. Рядом кто-то спал, укрытый одеялом с головой, кто-то очень большой – ха! – любимая мамонтиха. Трельяж, трусики в цветочек, шкаф, ковер, две тумбочки, бра у изголовья.

– У-у-у! – Семен Филиппович радостно взывал, не сдерживая своих эмоций. – День сурка!

Тело с бормотанием зашевелилось, кровать жалобно заскрипела – так, а вот этого не надо. В мгновение ока Семен Филиппович, собрав свои шмотки, выскочил из квартиры, подарившей ему очередной шанс на новую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.